

На Русском фронте*

Монография А.Б. Астахова, основанная на обширном архивном материале, который в подавляющем большинстве случаев впервые вводится в научный оборот¹, несомненно, привлечёт внимание читателей. В год 100-летия начала Первой мировой войны выяснилось, как мало мы знаем о трагическом опыте, вынесенном из её событий российским обществом в целом и отдельными её участниками. Не последнюю роль сыграло то, что попытки рефлексии современников и обобщающие научные труды создавались в ситуации «раскола» на белых и красных, советских граждан и эмигрантов – представителей Русского зарубежья. К тому же для многих из них опыт революции, Гражданской и Второй мировой войн несколько затмил предыдущие годы. Неслучайно автор монографии неоднократно оговаривается в тексте, что ряд затронутых им сюжетов требует дальнейшего изучения. Между тем в Европе тема человека на Первой мировой войне достаточно подробно рассматривалась в самых разных плоскостях – от исследований историков и психологов до философских работ Э. и Ф.Г. Юнгеров. Таким образом, книга Астахова, сосредоточившегося прежде всего на негативе – тяготах службы, психопатологии воюющего человека, критических откликах, ошибках и недочётах командования, падении морали, дисциплины, религиозности, пьянстве и т.п., в определённой мере заполняет существующий в отечественной историографии пробел и может дать импульс для дальнейших исследований.

Автор подробно описывает специфику проведения мобилизации, состав и довоенный социальный опыт мобилизованных, организацию пространства на Русском фронте, выявляет мотивацию борьбы солдата-крестьянина и его отно-

шение к войне нового типа. Обращаясь к социологическим данным, Астахов показывает читателю, что же представляла собой «в цифрах» самая большая из армий всех стран, участвовавших в войне. При этом отмечается и ряд трудностей, связанных с установлением числа погибших, раненых, пленных. Указывая на традиционно крестьянский характер армии, автор полагает, что «вопрос о борьбе традиций и современности в русском крестьянстве приобрёл решающее значение именно в годы Первой мировой войны», превратившей в солдат массы необученных и молодых (средний возраст 21.5 года) крестьян (с. 32–33, 52, 55) с присущим им менталитетом. Война привела к столкновениям традиции и современности во всех сферах жизни. Например, специфика бытовых условий, в которых войска находились на фронте, сильнее всего сказывалась не только на физическом здоровье, санитарии, но и на психологическом состоянии людей. Позиционный характер войны, протяжённость и глубина Русского фронта, его снабжение и взаимодействие с тылом – всё это имело не только сугубо военное значение.

Подавляла оснащённость немецкой армии новейшими техническими достижениями: от авиации, химического оружия и снарядов до отсутствовавших у русских машин, выкачивающих воду из окопов (с. 89, 258–259). Автор приводит примеры умопомрачающего в буквальном смысле слова воздействия артиллерийского огня на солдат («снарядный шок»). Особенно тяжкое впечатление производили «чемоданы» – большие снаряды и «атмосфера большого сражения» (с. 358). Об этом часто свидетельствуют и мемуаристы: «Самое жуткое не пуля, а артиллерийский огонь... когда упадёт чемодан, да

* А.Б. Астахов. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с. (Серия «Российское общество. Современные исследования»).

взорвётся, да поднимет землю столбом, да загремит, да завоюет, да загрохочет – ну, тогда, спаси и помилуй... Не только жутко – очень ужасно!»². В то же время, по мнению Астахова, отечественная авиация «не стала элементом современной войны на Русском фронте», аэропланы (в том числе и свои собственные!) воспринимались более чем негативно (с. 204–205). Химическое оружие, которое противник часто пускал в ход, использовалось русскими «лишь эпизодически» (с. 99), солдаты не доверяли противогазам (с. 100). К тому же армия «воевала без касок» (с. 102). В её продовольственном снабжении и санитарном обслуживании, в организации гигиены и быта, в межличностных отношениях, пропаганде и проч. автор также обнаруживает ошибки и слабые места.

Изучая мотивацию борьбы, Астахов признаёт искренний характер патриотических настроений в войсках при смутном понимании ими причин и целей войны. О помощи «братьям-славянам» трудно было говорить из-за действий Болгарии (с. 132–133), а ссылки священников на «Божью кару» и «Божью волю»³, как и сами священники, воспринимались неоднозначно (с. 586–587, 648). «Крайне редки среди солдат русской армии мотивы борьбы за веру», – констатирует автор (с. 133). Тем не менее русские солдаты сохраняли бодрость духа и не раз демонстрировали храбрость и мужество. Не совсем понятно только, когда и почему желание войти в Константинополь, Вену, Берлин и Софию (с. 152) сменилось усталостью, недовольством и желанием заключить мир любой ценой.

Астахов оправданно видит в боевых действиях 1914–1918 гг. войну нового, современного типа, мастерски раскрывая её механический, машинный характер (с. 201–203 и далее). Как писал в 1939 г. Ф.Г. Юнгер, «войну стали вести посредством машин»: «1914 год знаменует собой прощание с прошлым... Военные траншеи поставили горькую цезуру, отметившую смену эпох. Испытанная от этого боль подсказывала человеку, что он потерпел субстанциальный ущерб. Субстанциальных же приобретений он ещё не успел почувствовать. Отличительная особенность этой войны, делающая её непохожей на все предшествующие, состоит в том, что она

имеет характер рабочего процесса... Нынешний солдат носит неказистую форму, похожую на рабочую робу, и амуницию, напоминающую рабочее снаряжение»⁴. Схожего мнения придерживался и П. Дриеле Рошель: «В наши дни воевать – значит валяться, утопать в грязи, сплющиваться. Когда-то люди воевали стоя. Нынешняя война требует постыдных положений... Современная война – война машин, а не мускулов, война – наука, а не искусство, война промышленности, война торговли, война контор, война газет, война генералов, а не вождей, война министров, синдикалистских вожжаков, императоров, социалистов, демократов, роялистов, промышленников и банкиров, стариков, женщин и мальчишек; война железа и газов; война, которую создавали все, кроме тех, кто воевал, – война передовой цивилизации. Никто не сумел одолеть эту войну. Русские, те ушли. Что-то в мире неладно, раз люди не сумели одолеть эту войну. Надо, чтобы человек научился управлять машиной. Машина истребляла его во время войны... Современная война – это проклятое восстание материи, поработённой человеком»⁵.

Интересные наблюдения Астахова за изменением времени и пространства для крестьянина, ставшего солдатом, в определённой степени перекликаются с оригинальными размышлениями С.В. Кизюкова (1968–2008), когда-то также преподававшего в РГГУ. В работе «Типы и структура исторического повествования» (2000) он отмечал, что, начав измерять время, человек традиционного общества последовал «примеру» природы. Повторение дня и ночи, смена времён года обретали для него важный смысл, а такая «профаническая жизнь» оказывалась циклическим процессом и «вечным возвращением одного и того же», выйти за рамки которого человек мог, лишь неожиданно осознав, что его жизнь не будет вечной и впереди ждёт смерть. На войне эта размеренность времени, характерная для крестьянского быта и ментальности, исчезала.

Крестьянин не только испытывал страх смерти, но и страшился увечья, неоднократного повторения боли (например, при перевязках раны), наконец, когда он видел массовую гибель и страдания, его пугала и потеря смысла войны (с. 329 и др.). Ему

казалось, что некая злая сила специально стремится истребить как можно больше людей, обрекая их на муки. Мысль о том, что «если не убьют, то домой всё равно придём не человеком» (с. 225), вызывала неизбежные психологические изменения в отношении к жизни и смерти. Не случайно уже во время Первой мировой войны «карточки с изображениями вражеских трупов и останков имели широкое хождение во всех воюющих странах, их можно найти и во многих солдатских альбомах. Смерть завораживала солдат, а для американцев, позже других вступивших в войну, зрелище полей битвы и окопов имело особое, жуткое и наводящее ужас очарование»⁶.

Крайне болезненно воспринимался крестьянами и отрыв от малой родины, семьи, привычного ландшафта, пространства, хозяйства, их постепенное превращение в солдат происходило очень медленно (с. 384–385). При этом крестьянский труд насаивался на ратный: врага «солдаты кололи штыком снизу, как снопы убирают, а не вперёд и с выпадом» (с. 187–191). «Вещный характер» войны сулил надежду на военную добычу – богатые трофеи (с. 192–198).

Так происходило перемещение людей из традиционной для них обстановки в иную реальность. В ней случались и «обмен между солдатами русской армии и армиями противника хлебом, коньяком, водкой, шоколадом и сигарами» (с. 213), и закалывание младенцев «в люле» (с. 210). Расчеловечивание и демонизация врага (как и идеализация «своих») – обычный приём военной пропаганды, но неизбежно происходило и обоюдное ожесточение⁷. Отсюда возникало ощущение, что «обмокла кровью душа» (с. 332), «перестану походить на человека» (с. 373). Не совсем понятно, правда, на чём основано утверждение автора, будто «мародёрство, грабежи, насилия, даже зверства солдат русской армии если не превосходили, то не уступали подобным действиям противника» (с. 197). Интересна отмеченная в книге разница во взглядах русских и немцев. Для русских свидетельством «зверств» германской армии служило методичное применение техники, для немцев – рукопашные бои и штыковые атаки русских. Вместе с тем если противник был силен и упорен, то ему порой воздавалось должное (с. 239, 243 и др.).

Немец воспринимался как «злой гений войны», отношение к австрийцам, напротив, было скорее пренебрежительным, как к «несчастным существам» (с. 252). Болгары, хотя и признавались упорным противником, презирались «за предательство» русской армии, освободившей их от османского гнёта, и не вызывали жалости. В монографии верно отмечено совпадение подобного отношения к болгарам с желанием покончить с «внутренними врагами». Те, кто считался «изменником», не могли рассчитывать на снисхождение, в отличие от явных врагов. Здесь наблюдения автора сходятся с рассуждениями Б.И. Колоницкого о националистической составляющей Февральской революции, которая нередко воспринималась «как освобождение от векового немецкого ига, как свержение чуждой России “германской династии” Голштейн-Готторпов, лишь “прикрывающейся” родовым именем Романовых»⁸. Нараставшая психологическая усталость от войны лишь усиливала противопоставление фронта и тыла, где якобы «окопались» предатели, «внутренние немцы» спекулянты, перекупщики, шпионы: «Обидно воевать, когда внутри масса измен и произволов» (с. 608). В результате «противник внешний и внутренний полностью уравнились» (с. 248). Историки уже отмечали, что официальная проповедь германофобии и шпиономании обернулась вскоре против самой власти, подготовив почву для измышлений об измене в верхах. Возможно, в какой-то степени вся эта шпиономания и «охота на ведьм» заложила психологические основы и для последовавших через 20 лет поисков врагов народа, шпионов, диверсантов, вредителей.

Асташов подробно показывает, как война способствовала кризису патриархальной семьи (с. 610–613), росту «хулиганского движения» в деревне (с. 58–59), падению нравов (проституция, насилие на сексуальной почве, рост венерических заболеваний), увеличению случаев психических заболеваний, самоубийств, девиантного поведения. Видимо, следует согласиться с тем, что «психическая болезнь – плата за современное общество» (с. 414), в которое традиционная Россия «встраивалась» через войну и революцию.

Особое внимание автор уделяет дисциплине на Русском фронте. В книге

приведены конкретные примеры, свидетельствующие о том, что командованию приходилось применять «расстрелы бегущих и сдающихся в плен» и ставить пулемёты на их пути (с. 459–465). Массовый характер дезертирства заставлял даже думать «о создании армии дезертиров в тылу Северного фронта». Не менее острой была и проблема выявления членовредителей, стремившихся избежать призыва или намеренно получить лёгкое ранение. На фоне периодически возникающей дискуссии о необходимости заградительных отрядов и штрафбатов в период Великой Отечественной войны это особенно важно.

Анализируя эффективность пропаганды, Асташов констатирует, что тиражи листовок, обращённых к германской армии, были небольшими (летом 1915 г. и вплоть до осени 1916 г. они сократились до нескольких сотен). Русские же солдаты в основной своей массе оставались неграмотными (с. 31). Недостатком печати и пропаганды, по мнению автора монографии, «было отсутствие воспитания ненависти», поскольку для этого требовалось «пройти школу социальной ненависти в процессе борьбы за социальные завоевания» (с. 575). Призыв «Убить немца», симоновское «Если дорог тебе твой дом» в Первую мировую войну, действительно, едва ли могли прозвучать⁹. Эти ошибки впоследствии во многом учли большевики в ходе ликвидации неграмотности в Красной армии в годы Гражданской войны и во время организации пропаганды и контрпропаганды в 1930–1940-х гг.¹⁰ Важна и отмеченная в книге особенность чтения малограмотных солдат, которые, разбив текст по складам вслух и «дойдя до знакомых сюжетов (“мир”, “земля”, “евреи”», просто прекращали чтение и начинали их обсуждать, не связывая эти понятия с главной мыслью автора статьи» (с. 569). Неудивительно, что антипораженческие тексты Н.В. Устрялова или И.А. Ильина в 1917 г. были слишком сложны для масс и не могли иметь успеха. В итоге самые разнообразные слухи оказывались сильнее любой официальной пропаганды¹¹.

Собранный в монографии материал убедительно демонстрирует «моральный кризис армии», исход которого виделся «в общей смене политического режима»

(с. 717). Мучительное рождение «солдата гражданина» не было завершено, когда монархия рухнула. В итоге опыт 1914–1918 гг. (как позитивный, так и негативный) послужил уже иной системе «в главном военном испытании – Великой Отечественной войне» (с. 719).

А.В. Репников

Примечания

¹ Работа основана главным образом на документах РГВИА, ГА РФ, РГИА, ОР РГБ, Отдела рукописей Государственного музея истории религий, РГВА, РГАЛИ, АВП РИ. В значительно меньшей степени автор использовал опубликованные воспоминания участников войны.

² *Савинков Б.В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 2008. С. 304–305.

³ Так, священник Алексей Спасский утверждал в 1915 г., что война представляет для многих «целительный бальзам», и хотя она причиняет множество бедствий, «но вместе с тем кровью, слезами, стенаниями... она смыкает наши язвы» (Почему Господь попускает войны? М., 1997. С. 8, 14).

⁴ *Юнгер Ф.Г.* Совершенство техники. Машина и собственность. СПб., 2002. С. 250–251. См.: *Тавризян Г.М.* Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М., 2009.

⁵ *Дриге ла Рошель П.* Комедия войны. М., 1936. С. 20, 48, 57.

⁶ *Хмелевская Ю.Ю.* Смертельный репортаж: будни и трагедии русского голода 1920-х гг. в свидетельствах американских очевидцев // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: Сборник статей. Челябинск, 2008. С. 250–251.

⁷ См.: *Почетцов Г.Г.* Психологические войны. М., 2000; *Казаринов О.И.* Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. М., 2005.

⁸ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 574.

⁹ См. также стихотворения, призывающие отомстить врагу: «Пройдя сквозь строй железных гроз», «Человек склонился над водой», «Никто не посмеет назвать нас убийцами», «Возмездие» и др. (Сурков А. Три тетради. Военная лирика 1939–1942. М., 1943. С. 48, 51, 98, 112).

¹⁰ Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой / Авт.-сост. Л. Белоусов, А. Ватлин. М., 2007.

¹¹ С этой проблемой не смогли в полной мере справиться и советские власти. См.: *Пянкевич В.Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.